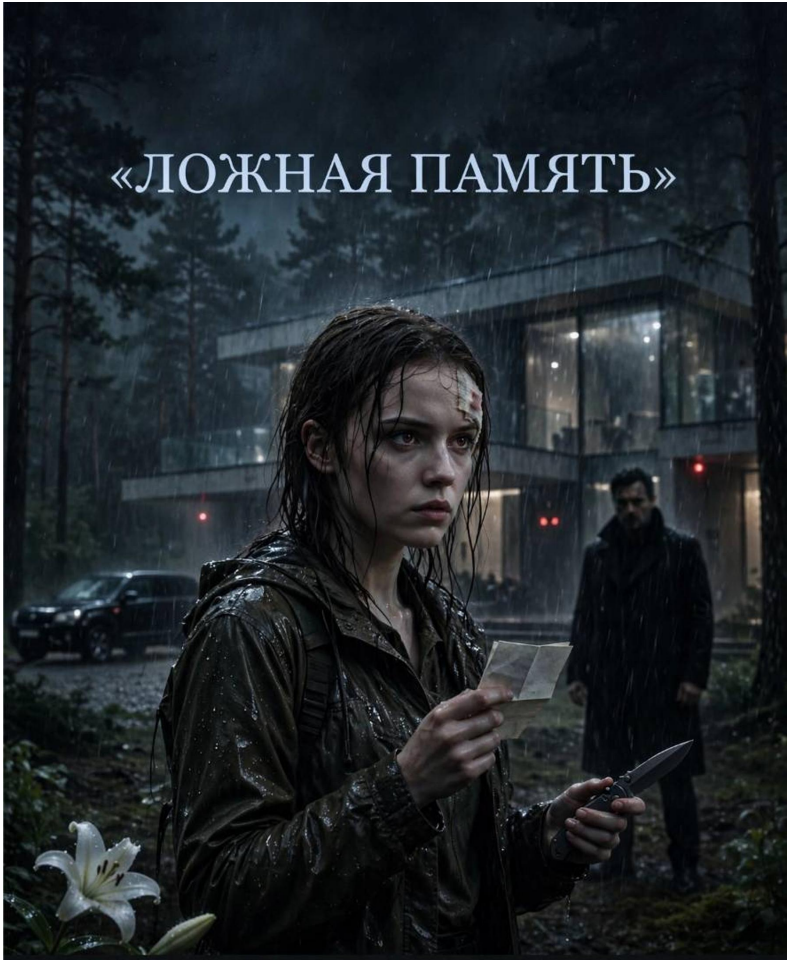
«ЛОЖНАЯ ПАМЯТЬ»

МОРОК В. Е.

"Моё тело ничего не помнило о прошлом.
Но оно отлично помнило, как выживать."

Морок В.Е
Ложная память

https://litres.ru/74693543
SelfPub; 2026

Аннотация

Она просыпается в больнице без имени и прошлого. Мужчина у постели называет её Аней и говорит, что она попала в аварию. Он заботлив, терпелив, безупречен. Слишком безупречен.

В доме, куда он её привозит, нет ни одной вещи с её запахом — только новая одежда с бирками, камеры под потолком и запертая на ночь дверь. А под подушкой в его комнате она находит записку, написанную его рукой: «Она не объект. Ты не охранник. Не верь голосу в наушнике».

Тело помнит то, чего не помнит разум: как открывать замки, как уходить от погони, как выживать. И чем ближе она подбирается к правде, тем яснее понимает: её память стёрли не случайно. И человек, назвавшийся мужем, — не единственный, кто охотится за тем, что спрятано в её голове.

Содержание

АКТ 1. ИЛЛЮЗИЯ БЕЗОПАСНОСТИ 4
ПРОЛОГ. СЕРЫЙ ВОЛК ПЕРЕД ТЕМНОТОЙ 5
ГЛАВА 1. МЁРТВАЯ ЗОНА 8
ГЛАВА 2. ПРОФЕССОР И СУП 15
ГЛАВА 3. ДОМ БЕЗ ТЕНЕЙ 20
ГЛАВА 4. ТАБЛЕТКА БЕЗ ИМЕНИ 25
ГЛАВА 5. ЧУЖАЯ КОМНАТА 28
ГЛАВА 6. ГОЛОС В ХОЛЛЕ 31
ГЛАВА 7. ЛУНАТИК 34
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Ложная память

АКТ 1. ИЛЛЮЗИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

ПРОЛОГ. СЕРЫЙ ВОЛК ПЕРЕД ТЕМНОТОЙ

Дворники не справлялись. Они сметали с лобового стекла воду, но вода возвращалась сразу, плотная и чёрная, как будто за стеклом не было дороги, а был только большой тёмный зверь, дышащий мне в лицо.

Я вела машину слишком быстро. Я знала это так же ясно, как знала, что в зеркале заднего вида уже четыре минуты держатся одни и те же фары. Они не приближались и не отставали. Они ждали.

— Лилия, ты меня слышишь?

Голос в наушнике был женским, ровным, и от этой ровности становилось только страшнее. Так говорят хирурги за секунду до разреза.

— Слышу.

— Не записывай. Ни на бумаге, ни в телефоне. Только голова. Повтори.

Я стиснула руль и начала проговаривать вслух считалку, которую выучила так давно, что уже не помнила, чья она. Две строчки, похожие на детскую глупость. «Серый волк идёт по льду, раз, и ноль, и снова ноль…» Цифры прятались в рифмах, как косточки в рыбе. Если не знать, где искать, подавишься. Если знать, достанешь всё.

— Хорошо, — сказал голос. — Ещё раз. И потом забудь, что умеешь это произносить.

— Куда ехать?

— Туда, где тебя не будет.

Фары в зеркале вспыхнули дальним светом. Салон залило белым, и на секунду я увидела своё лицо: мокрое, чужое, спокойное. Спокойнее, чем должно быть лицо человека, которого сейчас будут убивать.

На пассажирском сиденье лежала лилия. Одна, белая, с тугим бутоном, с длинным стеблем, перехваченным серебряной ниткой. Я не помнила, как она там оказалась. Её запах заполнял машину, сладкий, тяжёлый, и странным образом успокаивал меня. Это тоже было неправильно.

Удар пришёл сзади, коротко и без злости, как толчок в спину в тесной толпе. Руль вырвался из рук. Машина пошла боком по размытой глине, и мир перевернулся, разломившись на куски: небо, деревья, ограждение, хруст дерева.

Последнее, что я успела подумать, было не о смерти.

«Серый волк идёт по льду…»

Я держалась за эти слова, как за поручень, пока темнота не сомкнулась над головой.

ГЛАВА 1. МЁРТВАЯ ЗОНА

Белый цвет не бывает тихим.

Он гудел. Тонким, ультразвуковым писком, от которого ломило зубы и сводило затылок. Этот звук пропитывал стены, растворялся в капельнице, сочился сквозь матрас. Казалось, тишина в этой палате сделана руками: механическая, выверенная, созданная затем, чтобы мозгу было не за что зацепиться.

Я попыталась открыть глаза, но веки были склеены коркой засохших слёз и сукровицы. Каждая попытка шевельнуться отзывалась тяжёлой пульсацией за висками, будто в череп вбили ржавый гвоздь и теперь медленно проворачивали его по часовой стрелке. Сознание тонуло в липкой вате.

Запахи пришли раньше зрения. Сначала хлорамин и спирт, запах стерильности, за которой прячут боль и разложение. Потом сладкий, тошнотворный аромат лилий, давно стоявших в вазе. Они были неуместны здесь, как венки на свадьбе. И поверх всего этого тонкий, едва уловимый шлейф чужого мужского парфюма: сандал, сухая кожа, горчинка табака.

Этот запах не принадлежал больнице. Он был слишком близко.

— Тихо, тихо… Не дёргайся, родная. Я здесь.

Голос был мягкий, с хрипотцой на низких нотах, и в нём слышалась такая усталость, будто его хозяин три ночи подряд стерёг мой сон от невидимых чудовищ.

Я заставила глаза открыться. Свет ударил по глазам и выбил слёзы. Картинка плыла, как в неисправном проекторе: белые потолочные панели, неоновые лампы, капельница с прозрачным пакетом, жалюзи, а за ними серый, дождливый осенний день.

Потом из размытых пятен сложилось лицо.

Мужчина лет тридцати пяти. Тёмные волосы с проседью на висках, трёхдневная щетина, глубокая вертикальная складка между бровей, высеченная постоянным напряжением. Правильные черты. Но главное были глаза: карие, почти чёрные, они смотрели на меня с такой отчаянной нежностью, что мне стало стыдно за собственное бесчувствие.

— Слава богу… — выдохнул он. Таким голосом можно

было лечить раны или вести людей в темноте. — Врач сказал, что ты можешь очнуться сегодня. Ты меня слышишь? Понимаешь, где ты?

Я открыла рот. Вышло сухое сипение. Язык казался чужим, вырезанным из куска кожи, натёртой солью.

— Не пытайся говорить. Вот, выпей.

Он двигался мгновенно и без единого лишнего жеста: взял со столика пластиковый стаканчик с соломинкой, подложил ладонь мне под затылок и поднёс воду к губам. Ладонь была сухая и горячая. Я сделала жадный глоток; ледяная вода прошла по обожжённому горлу и немного разогнала туман.

Он поставил стаканчик слева от меня. Я не знала, почему это заметила. Просто заметила.

— Кто… — слово выскрипело, как несмазанная дверь. — Кто вы?

Он замер.

На долю секунды. Обычный человек этого не увидел бы. Но пластик в его пальцах чуть слышно хрустнул, и в глубине тёмных глаз мелькнула тень, плотная и ледяная, как у хищ-

ника, застигнутого врасплох.

Потом он улыбнулся. Мягко, с бесконечной грустью, уголками губ. Глаза не улыбались. Глаза продолжали читать моё лицо.

— Я понимаю, — тихо сказал он. — Врач предупреждал: после такого удара возможна ретроградная амнезия. Мозг блокирует всё, что причиняет боль. Я Марк. Я твой муж, Аня.

Марк. Муж. Аня.

Три слова упали в меня, как камни в заброшенный колодец. Ни всплеска, ни эха.

Я принялась лихорадочно листать себя изнутри: цвет стен родительского дома, детскую обиду, запах маминой выпечки, собственное отражение. Ничего. Передо мной стояла чёрная стена, подёрнутая инеем. Будто моя жизнь началась пять минут назад, на этой узкой койке, под мерный звон капель.

— Что… что случилось?

Я попыталась приподняться на локтях, и правый бок обо-

жгло.

— Не вставай! — Он мягко, но ощутимо прижал мои плечи к подушке.

Хватка была не больничная. Не пальцы испуганного родственника. Ладони легли на ключицы с точностью профессионала, который удерживает объект ещё до того, как тот успеет рвануться.

— У тебя трещина в ребре и тяжёлое сотрясение, — ровно продолжал он. — Ты попала в аварию четыре дня назад, на загородном шоссе. Дождь, глина, машину занесло на повороте, и ты вылетела в кювет. Я нашёл тебя через час по трекеру. Почти трое суток ты была в искусственной коме.

— Я была одна?

— Да. — Он на секунду опустил взгляд и заправил мне за ухо прядь волос. Прикосновение было невероятно нежным, а по шее у меня побежали ледяные мурашки. — Ты ехала в наш загородный дом. Я умолял тебя переждать шторм, но ты ведь всегда была упрямой, Аня. Если что-то решила, остановить тебя не мог никто.

Он поднялся, подошёл к стойке капельницы и стал смот-

реть на шкалу. Ко мне спиной. Тёмно-синий пиджак из дорогой шерсти сидел идеально, плечи были прямые, как у человека, который годами носил на спине что-то тяжёлое.

— Главное, ты жива, — сказал он глухо. — Остальное мы вернём. Память, силы, привычки, каждый потерянный день. Я буду рядом. Я никому тебя не отдам.

Я смотрела на его спину. В каждой фразе была безупречная логика. В интонации была выстраданная забота человека, пережившего кошмар.

Почему же на самом дне сознания, под слоем лекарств и паники, поднимался липкий ужас? Что-то внутри отказывалось верить этому человеку.

Я опустила взгляд на руки, лежавшие на белой простыне. Тонкие бледные пальцы, коротко остриженные ногти. Большой палец сам собой прошёл по внутренней стороне указательного и нащупал старый выпуклый шрам от глубокого пореза. Рукав больничной рубашки сполз, и на левом запястье показался второй шрам, тонкий, серповидный.

Я не помнила своего имени. Я не знала человека, который назвался моим мужем.

Но когда Марк резко повернулся и шагнул к койке, моё тело, помимо разума и воли, сжалось в тугую пружину, готовую к удару или броску.

Моё тело ничего не помнило о прошлом.

Но оно отлично помнило, как выживать на войне, о которой я ещё ничего не знала.

ГЛАВА 2. ПРОФЕССОР И СУП

Следующие два дня я училась быть человеком.

Это оказалось сложнее, чем звучит. Я не знала, какую чашку предпочитаю, как складываю одеяло, на какую сторону кровати привыкла ложиться. Каждое решение приходилось принимать с нуля, и всякий раз Марк оказывался рядом, подсказывая и поправляя. «Ты всегда пила чай без сахара». «Ты любила, когда окно приоткрыто». Он говорил это так нежно, что отказаться от его версии меня самой было бы почти грубостью.

Он показал мне фотографии на телефоне. Мы вдвоём на набережной, на фоне серой воды. Мы смеёмся над чем-то за кадром. Я в белом платье, он в тёмном костюме, мы стоим у чугунной арки, и он смотрит не в камеру, а на меня. Это был взгляд, который невозможно подделать.

Я рассматривала снимки очень долго. Женщина на них была мной, никаких сомнений. И всё-таки в её улыбке было что-то выученное, как у человека, которому заранее сказали, куда смотреть и когда радоваться.

— Что-нибудь вспомнила? — тихо спросил Марк.

— Нет, — сказала я. И увидела, как в его лице на мгновение сменились два выражения: облегчение и боль. Я не поняла, какое из них настоящее. Может быть, оба.

На второй вечер, когда он ушёл «поговорить с врачами», в палату вошёл профессор. Седые брови, накрахмаленный халат, папка с результатами в руках. Он сел на край стула, не спросив разрешения, и долго смотрел на меня поверх очков.

— Скажите, милая, вам снятся сны?

— Нет.

— Вообще никакие?

— Только белый шум.

Он покивал, словно это был правильный ответ на какой-то свой вопрос.

— Видите ли, — произнёс он негромко, придвинувшись ближе, — муж сказал мне, что у вас травматическая гематома, которая блокирует кору. Но на ваших томограммах нет гематомы, достаточной для такой картины. Нет, она, конеч-

но, есть, но это не объясняет… Я тридцать лет изучаю последствия черепно-мозговых травм. Ваши снимки выглядят не так, как выглядит мозг после удара. Они выглядят так, как будто его…

Он не договорил. Но его губы шевельнулись беззвучно, и я прочла по ним: «…стирали».

— Профессор.

Марк стоял в дверях. Я не слышала, как он вошёл. Голос его звучал вежливо и мягко, и от этого мягкая угроза в нём была ощутима почти физически.

— Простите, мне нужно сменить капельницу, — сказал профессор, поднимаясь. Папка скользнула с колен. Он наклонился за ней, и его рука дрогнула — не от старости, а намеренно. Верхний лист сместился, и я увидела три строки, обведённые красным: «следы фармакологического вмешательства», «нехарактерная избирательность амнезии», «рекомендовано». Его глаза встретились с моими на долю секунды. Он не моргнул. Не предупредил — но и не скрыл.

Дальше я прочесть не успела. Папка закрылась.

Вечером медсестра принесла суп. Молодая, быстрая, с усталыми глазами. Она поставила поднос и склонилась, буд-

то поправляя подушку.

— Вас привезли не с шоссе, — прошептала она, не глядя на меня. — Не скорая. Чёрный микроавтобус без номеров, и ни одной бумаги из полиции. Он заплатил наличными. Не пейте всё, что вам дают.

Она выпрямилась и сказала уже обычным голосом:

— Приятного аппетита.

Суп был тёплый и пах укропом. Я не притронулась к нему до тех пор, пока медсестра не вышла.

Наутро Марк сообщил, что мы едем домой.

Профессор возражал так, что слышала вся палата. Требовал неделю наблюдения, МРТ повторно, консилиум. Марк не повысил голос ни разу. Я слышала только, как он что-то негромко говорит, как шуршат бумаги, как скрипит ручка. Он подписал отказ от претензий, взял на себя всю ответственность и заверил, что дома организован медицинский пост.

Когда мы спускались по бесконечным белым коридорам, зеркала на стенах показывали бледную сутулую женщину в

сером пальто, вцепившуюся в локоть элегантного мужчины. Со стороны это выглядело трогательно. Любящий муж ведёт больную жену домой.

Никто бы не догадался, что я считаю выходы.

Я делала это не думая, как дышат: лестничный пролёт слева, пожарная дверь, камера над лифтом, охранник у поста. Двенадцать шагов до выхода. Сорок до машины. Моё тело вело свою собственную карту.

На крыльце ударил по лицу холодный воздух. Накрапывал мелкий колючий дождь. Профессор стоял у окна и смотрел нам вслед; когда я оглянулась, он поднял руку не для прощания. Он коснулся двумя пальцами виска, ровно один раз.

Я не поняла, что это значит. Но запомнила.

ГЛАВА 3. ДОМ БЕЗ ТЕНЕЙ

Марк открыл дверь тяжёлого чёрного внедорожника, помог мне забраться на пассажирское сиденье и сам пристегнул ремень. Его пальцы на секунду задержались у моего плеча, проверяя фиксацию.

— Устала? — спросил он.

— Немного кружится голова от света.

— Скоро будем дома. Там тихо. Никто не потревожит.

Дорога заняла больше часа. Сначала мы тащились по забитым кольцевым развязкам, потом спальные районы сменились хвойным лесом. Асфальт становился всё тоньше, пока не превратился в петляющую грунтовку, залитую лужами. Серые стволы сосен слились в один забор, уходящий в белёсый туман. Ни указателей, ни встречных машин.

— Мы живём так далеко от города?

— Ты сама на этом настояла, — мягко ответил Марк, не отрывая глаз от дороги. — Город выжимал из тебя все соки.

Ты говорила, что только среди сосен можно дышать. Я лишь исполнил твоё желание.

Я промолчала. Но заметила, что он дважды проверил зеркало за последние три минуты и ни разу не посмотрел на навигатор. Он вёл по памяти. Он знал эту дорогу так же хорошо, как знают свой маршрут люди, которым нельзя заблудиться.

Мы остановились перед стальными воротами, вписанными в забор из тёмного профнастила, увенчанный спиралями колючей проволоки. Марк нажал кнопку на брелоке; створки разъехались с плавным гидравлическим вздохом.

Особняк стоял на вершине пологого холма. Тёмное мореное дерево, блоки серого бетона, огромные плоскости стекла, отражавшие свинцовое небо. Красивый дом. Дорогое убежище для человека, который прячется от мира. Но в нём не было ни одного признака жизни.

Внутри пахло паркетом, свежей древесиной и стерильной чистотой. Ни книг на столиках, ни забытых чашек, ни куртки на вешалке. Ничьих следов. Идеальная сцена для спектакля, в котором один актёр.

— Мы давно здесь живём? — спросила я.

— Мы только начали обживать его, — спокойно ответил Марк. — До этого было не до того.

Он провёл меня на второй этаж, в просторную спальню с панорамным окном на глухой лес.

— Располагайся. Я принесу воду и таблетку, которую прописал врач.

— Какую именно?

— Нейрометаболики и мягкий седативный. Чтобы снять отёк и мигрени. Тебе нужен сон.

— А профессор говорил…

— Профессор волнуется, — Марк улыбнулся. — Это его работа.

Он вышел и аккуратно прикрыл дверь. Через секунду в коридоре тихо щёлкнул замок.

Заперто.

Я осталась одна в огромной светлой клетке. Подошла к

гардеробу и распахнула дверцы. Внутри аккуратными рядами висели кашемировые свитеры, кардиганы, мягкие брюки пастельных тонов. Все вещи новые, с бирками, и все на размер больше моего. Их выбирал не тот, кто любит. Их выбирал тот, кто заполнял графу в списке.

Я опустилась на колени у комода в углу. В нижнем ящике, под стопкой белья, пальцы нащупали холодное и шершавое.

Откинула ткань. Передо мной лежали две вещи: перцовый баллончик с мощным клапаном и складной нож с матовым, не бликующим лезвием.

Рука сработала раньше мысли. Большой палец сдвинул фиксатор тугим, доведённым до автоматизма движением, лезвие легло в ладонь, как продолжение кисти. Ни сомнений, ни дрожи. Только чистая, холодная память мышц.

Я смотрела на нож, и мне было страшно, но не от него. Мне было страшно от того, как спокойна была моя рука.

Нож я положила назад. Баллончик тоже. Но, прежде чем закрыть ящик, ногтем отщёлкнула с него маленький стальной зажим и спрятала в рукав. Не знаю зачем. Руки знали лучше меня.

За дверью раздались тихие размеренные шаги.

ГЛАВА 4. ТАБЛЕТКА БЕЗ ИМЕНИ

Я закрыла ящик, вернула бельё на место и отступила к кровати.

Дверь открылась плавно, без скрипа. Марк стоял на пороге с граненым стаканом воды. На раскрытой ладони лежала маленькая белая таблетка. Он снял пиджак; тёмно-серая водолазка подчёркивала линию плеч и шею бойца.

— Выпей, Аня. Так нужно для твоего восстановления.

В его голосе была мягкость, под которой лежала дисциплина дрессировщика. Я подняла глаза и под самым багетом над дверью заметила то, чего не разглядела днём: крошечный чёрный глазок объектива, нацеленный в центр комнаты.

Система следила за каждым моим вздохом.

— Хорошо, — сказала я и шагнула навстречу.

Таблетка была идеально гладкой. Ни букв, ни риски, ни штампа. Чистый продукт неизвестного назначения. Я положила её на язык, глотнула воды, запрокинула голову, имити-

руя глоток. Язык сам прижал горький комок к внутренней стороне щеки.

— Умница, — Марк забрал стакан. Его тёплая тяжёлая ладонь легла мне на макушку, и пальцы на мгновение сжались так, что кожа на голове натянулась. Жест выглядел как ласка. — Отдыхай. Я буду внизу, в кабинете. Позовёшь, если что-то понадобится. Акустика здесь отличная.

Он вышел. Снова щёлкнул замок.

Я простояла неподвижно почти десять минут. Потом, когда вентиляция выровняла гул, а шаги Марка стихли внизу, выплюнула размокшую таблетку на салфетку, завернула и спрятала под матрас.

Электронные часы показывали без десяти полночь.

Я села на пол у двери, там, где объектив не доставал, и достала стальной зажим. Тонкая упругая полоска с острым концом. Какое-то время я просто смотрела на неё, не понимая, зачем так спокойно вставляю её в замочную скважину.

Годы тренировок, запечатанные глубоко под амнезией, оживали в кончиках пальцев. Лёгкий нажим, ювелирный сдвиг, микроскопический щелчок.

Язычок подался, как выдох.

А вместе с ним поднялась изнутри не радость, а страх. Не страх перед Марком. Страх перед собой. Потому что человек, который так открывает замки, не может быть той женщиной с фотографий на набережной.

Кем бы я ни была, жена тут была лишь одной из ролей.

ГЛАВА 5. ЧУЖАЯ КОМНАТА

Я двигалась по ковровому покрытию на внешней стороне стопы. Эту технику бесшумного шага я не знала. Но ей безоговорочно подчинялось каждое сухожилие.

В коридоре было прохладнее, чем в спальне. Пахло озоном из открытой где-то форточки и старой бумагой. В конце коридора горела дежурная лампа, а напротив моей двери стояла другая, приоткрытая дверь.

Это была комната Марка.

Я должна была пройти мимо. Но ноги остановились у порога сами, как будто я знала, что там меня ждёт что-то важное.

Комната оказалась почти пустой. Узкая кровать, застеленная по армейски, с острым углом покрывала. Тумбочка. Одинокий стул. Никакого мужа в спальне, никаких его вещей с запахом дома. Здесь жил человек, который не собирался тут оставаться.

Я приподняла подушку. Под ней лежал пистолет, плоский,

чёрный, с поднятым предохранителем. А рядом, сложенный в четверо, истёртый на сгибах листок бумаги.

Я развернула его.

Почерк был быстрый, угловатый. Четыре строчки, написанные явно в спешке, разными чернилами, словно их дописывали в разное время.

«Она не объект.

Ты не охранник.

Не верь голосу в наушнике.

Если читаешь это — значит, опять забыл.»

Я перечитала дважды. Потом сложила листок по старым сгибам и вернула под подушку точно в то положение, в каком его нашла.

Что это значит? Он писал это себе? Тот человек, который час назад гладил меня по голове, а ладонью сжимал череп? Мне хотелось, чтобы записка была обманом, фальшивкой, наживкой. Но бумага, истёртая на сгибах, и чернила, выцветшие в трёх оттенках, не лгали. Это был след долгой борьбы.

И борьбу вёл он не со мной. Он вёл её с собой.

Тогда кто же он? Тюремщик? Жертва? Тюремщик, который сам сидит в камере?

С первого этажа донёсся приглушённый, глухой голос. Он говорил тихо, но в бетонной акустике холла каждое слово доходило до верхней площадки с кристальной чёткостью.

Я вышла из его комнаты и скользнула к балюстраде.

ГЛАВА 6. ГОЛОС В ХОЛЛЕ

Я прижалась спиной к холодной стене, спрятавшись за декоративной колонной. Внизу, в луче жёлтого света из приоткрытой двери кабинета, стоял Марк. Он держал у уха телефон, и его фигура отбрасывала на паркет длинную ломаную тень.

— …нет, сэр. Она стабильна, но память заблокирована наглухо. — Голос был холодный, деловой, без единой нотки той теплоты, которой он согревал меня. — Гематома держит верхний слой коры. Но рефлексы пробиваются. Сегодня она нашла тайник со снаряжением. Я торможу её блокаторами, но доза ограничена. Если она выйдет на аварийный канал связи с остатками группы до того, как мы достанем цюрихские коды, вся операция пойдёт прахом.

Пауза. Из трубки доносилось только неразборчивое бормотание.

— Десять дней? Вы шутите. Нет. Нет, сэр. Хирургию я исключаю. Вы обещали. — Он повысил голос и тут же взял себя в руки. — Вы дали слово, что я получу коды сам, без хирургии, без вскрытия. Если вы нарушите условия, я не от-

вечаю ни за себя, ни за… Да. Я понял. Да.

Он отключился и несколько секунд стоял неподвижно, глядя на телефон. Потом медленно опустил его в карман и упёрся ладонью в стену. Плечи его дрогнули. Он не плакал. Он просто стоял, и в этой неподвижности было такое изнеможение, какого я не видела ни в одной из его улыбок.

Я смотрела на него сверху и чувствовала, как рушится последний кирпичик моих иллюзий.

Он не был моим мужем. Этот дом не был нашим гнездом. Это была тюрьма строгого режима, замаскированная под семейное убежище. А человек по имени Марк оказался тюремщиком, который методично стирал мою личность и выкачивал из моей головы чужие секреты.

Но, чёрт возьми, он только что торговался за мою жизнь.

Я не знала, что с этим делать. Тюремщик не торгуется за заключённого. Тюремщик исполняет приказ.

Я сделала плавный шаг назад, намереваясь вернуться в комнату до того, как он закончит. Но моя нога зацепила тяжёлый металлический торшер на чугунной ножке, стоявший у балюстрады.

Конструкция качнулась. Раздался отвратительный скрежет металла о паркет.

Торшер рухнул вниз, в холл, с грохотом разорвавшегося снаряда. Эхо прокатилось по всему дому, заставив содрогнуться стёкла.

Внизу Марк мгновенно развернулся. Рука рванулась за пояс.

— Аня?!

В его голосе звенела нефильтрованная сталь силовика, готового к бою. Тяжёлые быстрые шаги направились к основанию лестницы.

У меня оставалась ровно доля секунды выбрать свою роль в этой игре до конца.

ГЛАВА 7. ЛУНАТИК

Я выбрала то, чего он ждал меньше всего: слабость.

Подогнула колени и сползла по стене на пол, в тот самый угол, где колонна оставляла тень. Закрыла лицо ладонями. Вздохнула прерывисто, как человек, который проснулся в чужом месте и ничего не понимает.

Марк взлетел по лестнице. Он был уже наверху, когда я подняла голову. В правой руке он держал пистолет стволом вниз, в левой телефон. Лицо его было каменным и бледным. Но стоило ему увидеть меня, сжавшуюся на полу, как каменная маска дрогнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.